

Красная Зона

Конюшенко Егор

Егор Конюшенко

Красная Зона

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Красная Зона / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

В мире, где цифровой индекс определяет всё — от работы до права на жильё, — Артём Королёв привык доверять зелёному свету системы. Но его размеренная жизнь рушится в один миг, когда двенадцатилетняя дочь ставит лайк под «нестабильной» фотографией леса. Семью объявляют изгоями, дочь отправляют в исправительный центр, и чтобы вернуть её, Артёму придётся заглянуть в тёмную изнанку всемогущей «Ткани» — и сделать выбор, который навсегда изменит его самого.

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зелёный свет	5
Глава 2. Красная метка	11
Глава 3. Обнуление	17
Глава 4. Брокеры	23
Глава 5. Спутник	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Егор Конюшенко

Красная Зона

Глава 1. Зелёный свет

Артём проснулся не от резкого, назойливого звона будильника, а от вязкого, неестественного вакуума тишины. Где-то в подсознании уже тикал внутренний хронометр, отмерявший ровно шесть минут до того, как механизм обязан был ворваться в реальность. В спальне стояла духота — тягучая, тяжёлая, как мокрое одеяло. Даже кондиционер, исправно гудящий на минимальных оборотах, выдыхал лишь прохладную, но не свежую струю, которая не могла разогнать спёртый, стерильный воздух, пропитанный запахом нагретого пластика и въедливой уличной пыли, просочившейся сквозь щели.

Он полежал ещё несколько томительных секунд, безучастно уставившись в белый, абсолютно гладкий потолок, на котором не было ни единой трещинки — символ идеального, выверенного порядка. Рядом, погружённая в глубокий сон, лежала Ирина. Её дыхание было ровным, мягким, почти незаметным. Тёплая, чуть влажная ладонь покоилась у него на груди, и пальцы её едва заметно подрагивали, словно во сне она перебирала невидимые струны тревоги.

Артём затаил дыхание и начал медленно, с осторожностью сапёра, высвобождаться из плена одеяла. Босые ступни коснулись идеально прохладного пола с подогревом, и эта искусственная, ровная температура обожгла кожу холодком. Он бесшумно, ступая по-кошачьи, прошёл на кухню.

За окнами, скрытыми за плотными, непроницаемыми жалюзи, едва начинал сереть безжизненный горизонт. Небо над спальным районом всегда напоминало ему грязную мыльную пену, разбавленную отблесками ночных вывесок, выхлопными газами и бесконечной подсветкой. Ему было уже сорок лет, а он всё ещё не мог привыкнуть к этому липкому предрассветному часу, когда город кажется вымершим, а тишина — оглушительной.

С тихим, почти интимным урчанием включилась кофе-машина. Пар вырвался из её чрева клубящейся струёй, и кухню мгновенно окутал терпкий, обжигающий аромат свежего кофе — единственный запах, способный разогнать эту утреннюю муть.

Артём открыл холодильник: тот сиял хирургической стерильностью, внутри мягко светился, а на идеальных полках, как солдаты на параде, стояли аккуратные контейнеры с едой, подписанные от руки, с чёткими датами. Всё под контролем. Всё чинно, благородно и предсказуемо. Он извлёк яйца, масло, пакет с нарезанным хлебом.

Как только он поставил сковороду на индукционную поверхность, на запястье мягко, почти ласково, завибрировал браслет часов. Это не было резким толчком — это был вежливый, настойчивый импульс, предвестник информации.

Артём коснулся сенсора, и прямо над плитой, вытягиваясь в мерцающих лучах, вспыхнул голографический экран. По нему пробежала ровная, безмятежная зелёная полоса, и в центре, крупным, уверенным шрифтом, зажглась цифра: 72. Индекс доверия.

Он провёл пальцем по воздуху, открывая подробности. «Ткань» — эта живая, незримая паутина, опутавшая их бытие, — не подавала признаков тревоги. В разделе «Платежи» горели зелёные галочки, как алмазы, напротив каждого счета: коммуналка, интернет, школа Ани, страховка. Маршруты на сегодняшний день: его работа — хаотичный логистический центр «Южный порт», гимназия дочери, школа жены — все точки на карте совпадали с зелёным вектором. Система доброжелательно уведомляла, что пробок не предвидится. Социальные связи: утренний чат с коллегами, предстоящее собрание в школе Ани — всё сплошь зелёное, идеальное, убаюкивающее.

— Ну, и отлично, — пробормотал он себе под нос, опуская руку. Голограмма, повинаясь жесту, погасла, оставив лишь слабый фантомный след в воздухе.

В утреннюю чашку с мягким звоном закапал горячий кофе. Артём взял серебряную ложку, методично размешал сахар и только тогда, наконец, позволил себе лёгкую, сдержанную улыбку. Зелёный день. Это был не просто цвет на дисплее — это была индульгенция. Это значило, что сегодня можно, наконец, выдохнуть, расслабить плечи и позволить себе маленькую, тёплую роскошь — хотя бы на несколько часов забыть о существовании системы.

Он позволил себе мысленно заглянуть в заветный раздел «Кредиты». Там, в скрытой вкладке, подобно затаившемуся огоньку, тихо мерцал одобренный лимит на новую машину. Не шикарный лимузин, но стильный седан с электродвигателем и системой автопилота второго уровня. Достаточно для того, чтобы чувствовать себя полноправным членом общества.

Он на миг представил, как вечером, уставший, но довольный, садится в чистую, девственную кабину, слышит мягкий электрический гул, чувствует, как кожаное сиденье обнимает спину, и видит искреннюю улыбку Ирины, когда он подкатывает к гимназии.

— Пап, ты готовишь? — негромкий, сонный голос разрезал тишину.

В дверях стояла Аня. Двенадцать лет, волнистые, растрёпанные со сна тёмные волосы, глаза, ещё не до конца проснувшиеся, полные той детской полусонной неги. На ней уже была накинута идеально выглаженная школьная форма, а в руках она сжимала потёртый планшет.

— Доброе утро, солнце, — ответил Артём, и в его голосе мелькнула тёплая нотка. — Садись. Яичница будет ровно через минуту.

Аня, не глядя на отца, грациозно опустила на стул и принялась увлечённо листать что-то на экране, обводя пальцем диаграммы.

— Пап, посмотри, — сказала она, протягивая отцу планшет. На экране переливалась красочная, яркая диаграмма с множеством графиков. — Мы в классе делаем проект по экологии. У нас есть три варианта: искусственные рифы в прибрежной зоне, переработка полимеров с помощью ферментов и... — она замаялась, бросив быстрый взгляд на отца, — и система «Зелёная петля». Это когда все отходы города закачиваются в подземные реакторы и превращаются в энергию.

Артём привычным, отработанным движением перевернул яичницу лопаткой.

— Это дорогой проект, Аня, — заметил он, не отрываясь от плиты.

— Знаю. Но он самый эффективный, — она нахмурилась, и её брови сошлись к переносице. — Учительница говорит, что если мы его выберем, то получим дополнительные баллы для рейтинга школы.

— А ты сама что думаешь? — переспросил Артём, выкладывая готовую яичницу на тарелку.

Аня пожала плечами, но в глубине её глаз, в зрачках, зажёгся искренний, тёплый интерес. — Я хочу про рифы. Это красиво. И там будут жить настоящие рыбы.

Артём невольно усмехнулся. Рыбы. В мире, где даже океан давно помечен безжалостными зонами фильтрации, а вылов строго лимитирован, обычная рыба стала почти неслыханной роскошью. Он поставил перед дочерью дымящуюся тарелку.

— Красота — это тоже хорошо, — произнёс он, сядя напротив неё. — Но ты подумай, что выгоднее для общего рейтинга класса.

В коридоре послышались быстрые, лёгкие шаги. В кухню, кутаясь в махровый халат, вошла Ирина. Её волосы были влажными после душа и висели тяжёлыми прядями, а под глазами залегла едва заметная, но выдающая усталость тень. Казалось, она уже утомлена жизнью, хотя день только-только начинал разгораться. Она механически чмокнула дочь в макушку, потрепала Артёма по плечу и тяжело опустилась на стул рядом.

— Доброе утро. Мне кофе, пожалуйста, — попросила она. — Покрепче.

Артём молча налил ей дымящийся напиток. Ирина взяла чашку обеими ладонями, словно пытаясь согреться в этом идеально климатизированном мире, и тяжело, глубоко выдохнула.

— У нас новый директор, — начала она, уставившись взглядом в стену, избегая зрительного контакта с мужем. — Завтра педагогический совет. Он требует от каждого учителя публиковать свой личный рейтинг успеваемости на главном экране школы. Чтобы родители видели всё в реальном времени.

— Что? — удивился Артём, от неожиданности сжав вилку. — Но это же... это же колоссальное давление, это психологический прессинг.

— Это система, Артём, — сухо ответила Ирина, сделав глоток. — Он говорит, что это повысит прозрачность. Я должна буду выкладывать напоказ, сколько детей написали контрольную на «хорошо» и «отлично», сколько на «удовлетворительно», и сколько хвостов я тащу за собой. И каждый мой шаг, каждое слово, каждая оценка будут оцениваться в баллах. А если баллов будет недостаточно — у меня понизят категорию. Лишат надбавки. Или вообще уволят.

На кухне мгновенно повисла вязкая, пустая тишина. Слышно было только, как Аня, чувствуя напряжение взрослых, нервно и часто стучит ложкой по тарелке с яичницей.

— Это глупо, — вдруг тихо, но твёрдо сказала Аня. — Учитель — не робот. Он — человек.

Ирина выдавила из себя горькую, печальную улыбку, погладила дочь по голове. Артём с такой силой сжал вилку, что металл больно врезался в подушечки пальцев. Он хотел сказать что-то ободряющее, подобрать нужные слова, но все фразы застряли в горле, превратившись в ком. Вместо этого он поднёс к губам свою чашку с кофе и машинально посмотрел на зелёный, успокаивающий индикатор на своих часах. «Ткань» по-прежнему хранила спокойствие. Но внутри него, в районе солнечного сплетения, где-то глубоко, сжался тугой, холодный комок тревоги. Он прекрасно знал, что новый директор — это не просто личность, а заклёпка в огромном механизме системы. И если система требовала прозрачности, она её получала. Всегда. Всегда так было и, казалось, всегда так будет.

— Я поговорю с кем-нибудь, — вымолвил он, произнося это скорее для того, чтобы успокоить Ирину, чем потому, что сам верил в свои слова.

— Не надо. Ты ничего не изменишь, — устало отрезала она. — Просто... будь готов, что сегодня я приду поздно. Я останусь в школе, чтобы подготовить эти проклятые данные.

Он молча кивнул. В голове автоматически, как отлаженный механизм, начал просчитываться маршрут: он отвезёт Аню в школу, потом заедет в офис, а вечером, возможно, встретит Ирину у гимназии. Всё строго по навигатору. Всё зелёное. Идеальное. Безупречное.

После завтрака началась привычная утренняя рутина. Ирина удалилась в спальню переодеваться, Аня деловито застёгивала почти пустой рюкзак — всё её обучение уже давно существовало в безликом планшете.

Артём подошёл к зеркалу. Строгие тёмные брюки, идеально выглаженная светло-серая рубашка. На левом запястье пульсировали часы, на груди блестел маленький значок с номером пропуска. Брился он быстро, механически, едва касаясь лезвием щетины, глядя на своё отражение. Сорок лет. Из зеркала на него смотрел мужчина с уставшими, поблёкшими глазами, аккуратной, выверенной щетиной и идеально ровным пробором. Он машинально одёрнул рубашку, поправил воротник и вышел в прихожую.

— Готовы? — спросил он, уже стоя в дверях.

Ирина вышла из спальни в строгом, безукоризненном костюме, похожая на служащую из далёких двадцатых годов. Она выглядела официально, даже чуть отстранённо, словно надела маску. Аня уже ждала у двери, перебирая в пальцах лямки рюкзака, отрепетированным жестом проверяя готовность.

— Готовы, — эхом отозвались они в ответ.

В лифте воцарилась гнетущая, неестественная тишина. Свет горел ровный, стерильно-белый, без единого намёка на тепло. На табло монотонно сменялись цифры этажей. На их этаже в кабину вошли трое соседей — они обменялись короткими, безэмоциональными кивками, но никто не проронил ни слова. Артём краем глаза заметил, как сосед, мужчина лет пятидесяти, с плоским, как у манекена, лицом, смотрит на свои часы. Наверняка проверяет «Ткань». Все сейчас проверяют. Система стала частью их биоритмов.

На подземной парковке было пусто, и только гул ламп накаливания нарушал безмолвие. Артём сел за руль своего старого, уже покрытого морщинами ржавчины бензинового седана и повернул ключ. Двигатель кашлянул, содрогнулся и затарахтел, как больной старик. Артём поморщился. Новая машина. Надо взять. Кредитный лимит зелёный, почему бы и нет? Он погладил потёртый руль, словно извиняясь перед старым другом за измену.

Он выехал на широкий, многополосный проспект. Город медленно просыпался. Автопилоты с тихим, монотонным гудением обменивались бесконечными сигналами, выстраиваясь в ровные, идеальные цепочки. Люди, как муравьи, с озабоченными, спрятанными в планшеты лицами, спешили на остановки. Над городом, замыкая горизонт, висела мутная, грязноватая дымка. Поднимая глаза, Артём заметил, как далеко, за бесконечными высотками, тусклым, пульсирующим красным светом мерцает купол, ограждающий ту самую Красную зону — кровавое напоминание о том, что ждёт тех, кто нарушит законы системы. Но он привык не смотреть туда. Он смотрел на свой навигатор: зелёная линия вела его идеально.

Они подъехали к школе. Аня легко выпорхнула из машины, чмокнула отца в щёку, мельком махнула рукой матери и побежала к входу, где уже столпились её одноклассники, такие же юные, встревоженные и беззаботные. Ирина вышла следом, поправила съехавшую с плеча сумку.

— Всё будет хорошо, — сказал он ей, стараясь придать голосу как можно больше уверенности.

— Конечно, — глухо отозвалась она. — Увидимся вечером.

Она повернулась и быстрым шагом направилась в сторону гимназии. Артём смотрел ей вслед. Её стройная, хрупкая фигура, затянутая в строгий костюм, растворялась в безликом потоке людей. Он нажал на газ и выехал на главную магистраль.

В логистическом центре «Южный порт» стоял непрерывный, монотонный гул. Это был гигантский механизм, где всё двигалось по заданному вектору: грузовые дроны с тихим жужжанием сновали под потолком, бесконечные конвейерные ленты монотонно шуршали лентами, а люди в униформе, с наушниками на ушах и планшетами в руках, двигались как единый организм. Артём прошёл через турникет, приложил свой значок к считывателю. Вспыхнул привычный зелёный свет.

— Королёв, привет! — окликнул его молодой парень с наушниками на шее, пробегая мимо. — У нас заминка на пятом маршруте. Грузовик с продуктами для «Зелёного квартала» застрял. Система перегрузила маршрут, но ты перепроверь, чтобы наверняка.

— Понял, — кивнул Артём, проходя за свой рабочий стол. Он сел, включил терминал.

Экран вспыхнул, разворачивая сложную карту города, испещрённую линиями. Красная линия пульсировала тревожно в одном из районов. Он взял управление на себя, вручную перестроил маршрут, связался с водителем, стараясь говорить ровно и успокаивающе. Пробка рассосалась через пятнадцать минут. Он выдохнул, чувствуя, как напряжение отпускает мышцы. Снова зелёный.

В обеденный перерыв на его запястье пришло уведомление от «Ткани». Внутренний рефлекс заставил сердце пропустить удар, но он открыл сообщение и увидел зелёную галочку. Счёт за коммунальные услуги был автоматически списан. И следом — всплывающее напоминание: «Ваш кредитный лимит на автомобиль одобрен. Срок действия предложения — 24 часа. Воспользуйтесь возможностью повысить свой статус».

Он снова улыбнулся, мысленно рисуя картину новой машины. Представил, как нажимает на кнопку запуска, и сиденье мягко, как в коконе, обволакивает спину. Как он заезжает на подземный паркинг, и автоматическая система сама аккуратно паркуется. Он даже открыл вкладку с фото — серебристый седан с обтекаемыми, плавными линиями, блестящий на солнце. Взял бы прямо сейчас.

Но что-то неуловимое, едва заметное остановило его. Это не был страх. Это была странная, вязкая... скука. Или, быть может, тонкая, почти незаметная иголочка тревоги, которую сегодня утром воткнула в него Ирина своими словами о рейтинге. Он смахнул вкладку, закрывая предложение.

Рабочий день пронёсся мимо, как немой фильм. Дроны гудели, экраны мигали, маршруты перестраивались. Ровно в 18:00 он отключил терминал и сдал смену. Проходя мимо турникета, он снова приложил пропуск. Зелёный свет. Он накинул куртку и вышел на вечернюю парковку.

Улицы уже утонули в густых сумерках. Город озарялся мириадами огней, которые, казалось, пульсировали в такт с дыханием ненасытной «Ткани». Артём сел в старую машину и задумался, уставившись на приборную панель. Ехать к гимназии за Ириной? Или всё же завернуть в автосалон, посмотреть на ту самую красавицу? Кредитный лимит всё ещё ждал его. Он снова мельком глянул на часы. Зелёный свет. Он принял решение.

Он поехал к гимназии. Ирины на условленном месте не было — она явно задерживалась с подготовкой бесконечных отчётов. Артём стоял у входа, нервно сжимая в руке ключи от старой машины, вглядываясь в освещённые холодным флуоресцентным светом окна школы. Прохожие безучастно скользили мимо, не глядя друг на друга, погружённые в свои планшеты или взирая на голограммы перед глазами. Никто не улыбался. Никто не смотрел на небо.

И тут на запястье браслет завибрировал снова, но на этот раз — тревожно, с перебоями. Не привычная зелёная, а жёлтая, пульсирующая линия зажглась на экране. Он нажал на экран, и перед ним всплыло сообщение:

«Внимание. Индекс доверия 72. Зафиксировано отклонение по социальному параметру В4. Рекомендуется проверить связи с подозрительными контактами. Ваш маршрут пересмотрен. Для подтверждения зелёного статуса посетите пункт верификации по адресу...»

По спине Артёма пробежал ледяной сквозняк. Он машинально поднял глаза. Где-то вдалеке, за кварталом, внезапно замигали слепящие огни сирен. Белая машина «Санитаров», с хищной красной полосой, бесшумно пронеслась мимо, словно хищник, идущий по следу. Он ничего не сделал. Он просто стоял там, на тротуаре, сжимая в побелевшей руке ключи от старой, тархтящей машины, чувствуя, как реальность ускользает из-под ног.

Сзади, из-за тёмного угла здания, бесшумно, словно тень, появился человек. Высокий, в идеально чёрной, без единого опознавательного знака одежде. Он двигался мягко, хищно, беззвучно ступая по асфальту. Он шёл прямо к нему.

Артём резко повернулся. Его взгляд заметался к дверям гимназии — Ирины всё не было. Он перевёл взгляд на свои часы. Зелёный свет, который он так оберегал и любил, замигал, словно умирающая лампа, и на какое-то ужасающее мгновение ему показалось, что он стал багрово-красным. Он инстинктивно шагнул назад, в сгущающуюся тень, и мысль его метнулась к той новой, чистой, серебристой машине, что ждала его в тепле и безопасности автосалона. Он мог бы просто сесть и уехать.

Но он не сделал ни шагу. Он замер, парализованный страхом и непониманием.

А человек в чёрном подошёл ещё ближе и остановился ровно в трёх метрах от него, отделяя его от остального мира невидимой чертой.

— Артём Королёв? — спросил он. Голос у него был тихий, абсолютно спокойный, безэмоциональный, как у искусственного интеллекта. — Мне нужно с вами поговорить. У меня есть информация о вашей жене. И о «Зелёном коридоре».

Артём молчал, лишившись дара речи. Он смотрел на свои часы. «Ткань» больше не светила успокаивающим зелёным. Она мигала беспокойным жёлтым, галлюцинаторно пульсируя, требуя немедленной верификации. А человек в чёрном, похожий на безликую статую, стоял напротив и терпеливо ждал.

И в этот самый миг, впервые за долгие, долгие годы, Артём не знал, что делать. Система, всегда готовая дать ответ, молчала. Его индекс доверия всё ещё был 72. Но тот самый зелёный свет, который он так старательно оберегал, в который вжился, как в кожу, начинал неумолимо, беззвучно гаснуть.

Глава 2. Красная метка

Утренний автобус номер 48, следовавший по унылому маршруту «Спальный-2 — Школьная», был набит до отказа, словно банка с перебродившим киселем. Аня, вжавшись спиной в холодную, липкую от испарений пластиковую перегородку, балансировала на носках, вцепившись побелевшими пальцами в хромированный поручень. На его поверхности красовалась затертая, почти стершаяся от времени наклейка с бодрым, но давно потерявшим смысл лозунгом: «Мой город — мой дом». Вокруг стоял непрерывный, назойливый гул — голоса одноклассников переливались, перекрикивались через проход, кто-то смотрел видео под аккомпанемент дешевых наушников, кто-то тупо пялился в экран, где дроны бесстрастно облетали стеклянные громады городских ферм. Кондиционер на пределе своих сил выдувал холодную струю, но она лишь поднимала удушливый, липкий смрад, в котором замешивались запахи дешевого искусственного освежителя, мокрой одежды и въедливого пота.

Аня смотрела в мутное, подернутое дорожной пылью окно. За ним медленно, как в замедленной съемке, проплывали безликие серые коробки жилых кварталов — одинаковые, словно кубики, которые кто-то небрежно рассыпал по огромной клетчатой доске. Лишь изредка, в промежутках между бетонными гигантами, мелькали блеклые зеленые островки — так называемые «рекреационные зоны». Там, на идеально выровненных газонах, сиротливо стояли лакированные скамейки, а вокруг них, как солдатики на плацу, росли карликовые сосны. Они были аккуратно подстрижены, на них не было ни единой сухой, сломанной ветки. Город был стерильно чист. Даже слишком. Иногда, в минуты редкой задумчивости, Ане казалось, что если поднести ладонь к стене старого здания, то на ней не осядет ни пылинки — пыль здесь банально не существовала, ее вычищали еще до того, как она успевала родиться.

Она вытащила из рюкзака планшет, и экран послушно загорелся, мягко подсвечивая её уставшее лицо. На дисплее распустилась персонализированная «лента» — причудливая подборка новостей, постов и коротких мемов, которую для нее собирал невидимый, безжалостный алгоритм. Он знал о ней всё: двенадцать лет, школа с техническим уклоном, страсть к цифровому рисованию (она постоянно ставила лайки на скетчи других художников), любовь к животным и, конечно, экологическая тематика — центральный проект в классе. Система, словно заботливая нянька, подкидывала ей именно то, что могло ее заинтересовать. Это называлось «релевантность контента».

Аня лениво, с отстраненным безразличием, листала ленту. Первым делом на нее выпрыгнул блок с новостью об открытии очередной станции по переработке пластика — с дежурной, отполированной до блеска фотографией сияющих чиновников. Аня, не задерживаясь, пролистнула. Дальше — навязчивая реклама умных кроссовок, способных самостоятельно регулировать амортизацию в зависимости от массы тела. Тоже мимо. Потом — сухой, безынтесный дайджест результатов олимпиады по математике. Пролистнула, даже не взглянув на заголовки.

И вдруг, ровно посередине ленты, когда контент казался особенно серым и предсказуемым, она увидела ЕГО.

Пост был светлым, беззаботным, пропитанным неподдельной любовью к жизни. На заглавной фотографии раскинулся лес. Настоящий, дикий, нетронутый лес. Не тот чахлый, стерильный перелесок, что ютился в городских парках с искусственными тропинками и назойливыми табличками «Не кормить белок». А густой, плотный, дышащий влагой, с тяжелыми, мокрыми листьями, устлавшими землю плотным ковром, с редкими, косыми солнечными лучами, которые пробивались сквозь переплетение крон, падая на влажный мох. На снимке не было высоток, не было дымовых труб, не было этой тотальной, угнетающей правильности. Там деревья никто не стриг, им позволяли расти так, как вздумается. А в самом низу, мелким, незамет-

ным шрифтом, стояла подпись: «Этот лес ещё жив. Но только до тех пор, пока мы помним, что он существует».

Автором поста значился какой-то мужчина с густой, неопрятной бородой, одетый в выцветшую, выдавшую виды штормовую куртку. Его аккаунт был помечен едва заметным желтым треугольником, на который Аня поначалу не обратила никакого внимания. Мужчина писал о том, что городское кольцо разрастается, что на окраине планируют возвести новый жилой комплекс, и для этого собираются вырубить тот самый лес. Однако система, по его словам, намеренно затягивает внесение этих земель в реестр «охраняемых территорий», поскольку это «экономически невыгодно».

Аня смотрела на фотографию, и в груди у нее зарождалось что-то теплое, почти щемящее. Она видела листья — тяжелые, влажные, с серебристыми каплями росы, застывшими на прожилках. Она видела стволы, устремленные ввысь, в небо, где не было ни городского смога, ни бетонных стен. Это было красиво. Безыскусно, дико, захватывающе красиво.

Большой палец девушки, привычно, механически, сам собой, нажался на сенсорную кнопку «Нравится». Иконка под фотографией мгновенно окрасилась в яркий, пульсирующий, ядовито-красный цвет. Сердечко на экране сжалось и забилося в такт с ее собственным сердцем.

— Ого, смотри, какой лес, — толкнула она локтем стоящую рядом девочку. Это была Ксюша — хрупкая, бледная, с вечно настороженными глазами, натянувшая на голову огромные наушники с неоновой подсветкой. — Хотела бы я там побывать. Пройтись по той земле.

Ксюша с усилием подняла глаза, посмотрела на планшет Ани, пробежалась взглядом по экрану, и ее лицо исказилось гримасой. Она брезгливо нажала на кнопку «Закрыть», словно отмахиваясь от комара.

— Аня, это же «нестабильный» аккаунт, — прошептала она, почти беззвучно, одними губами, плотно сжатыми в тонкую линию. — Ты что, с ума сошла? Там метка желтая стоит. За такие вещи в школе баллы снимают. Нам баллы нужны.

Аня нахмурилась и всмотрелась в значок. Действительно, в углу поста сиротливо мерцал едва заметный желтый треугольник, а рядом, микроскопическим шрифтом, светилась надпись: «Источник с нестабильным рейтингом». Аня растерянно моргнула, а затем, пожав плечами, с вызовом сказала:

— Но картинка же красивая. Лес, понимаешь? Я просто лайк поставила. Это же не значит, что я разделяю его мнение.

— Система не смотрит на слова, Аня, — глухо отозвалась Ксюша, уже отворачиваясь и снова натягивая наушники на уши. Голос у нее был усталый, почти обреченный. — Система смотрит на действия.

Аня нахмурилась еще сильнее. Она посмотрела на свой палец, всё еще лежавший на экране. Он чуть заметно дрожал и был влажным от испарины. Она снова попыталась пролистать ленту, но та словно подменили — посты сменились на скучные, казенные: школьные мероприятия, тарифы на проезд, отчеты о чистке искусственных озер. Но в самом углу статус-бара, тускло, но настойчиво, зажглась маленькая, почти незаметная красная точка, которая начала мертвенно пульсировать.

Автобус резко затормозил, люди качнулись вперед, словно единая, нестройная волна. Аня вышла на остановке «Школьная-2» и побрела к входу. По пути она чувствовала, как между лопатками, на спине, зарождается странное, горячее и неприятное жжение, пульсирующее в такт с той самой красной точкой. Она попыталась стряхнуть это наваждение, передернула плечами, но ощущение не уходило, въедаясь в кожу.

В школе стоял привычный, монотонный гул. Уроки шли своим чередом — по расписанию сначала муторная история, затем скучная математика, и, наконец, химия. На химии учительница, женщина с идеально ровным пробором и безупречными манерами, демонстрировала

захватывающее видео с безопасными реакциями металлов. Всё было красиво, предсказуемо, стерильно. Но Аня не могла сосредоточиться. Она слышала, как планшет, запертый в её рюкзаке, издает тихую, навязчивую вибрацию. Раз, другой, третий. Звук был беззвучным, но он отдавался где-то в основании черепа, пульсируя, как заноза.

На большой перемене, не в силах больше терпеть, она выскользнула из класса и нырнула в туалетную комнату. Захлопнула за собой дверцу кабинки, задвинула металлическую задвижку, села на холодный пластиковый унитаз, поджав ноги к груди, словно замерзший воробей, и дрожащими пальцами включила планшет.

Экран встретил её багрово-красным свечением. В центре, огромным, безапелляционным окном, пульсировала надпись: «Обнаружена потенциальная угроза. Ваше взаимодействие с неблагонадёжным источником зафиксировано. Согласно Положению о цифровой гигиене, требуется дополнительная проверка».

Ниже, в самом низу, безжизненно застыли три кнопки: «Я подтверждаю взаимодействие», «Я отрицаю взаимодействие» и «Запросить поддержку». Аня, чувствуя, как сердце колотится о ребра, нажала на «Я подтверждаю». Она наивно верила, что если она объяснит — это же просто картинка, просто красивая фотография, — что она просто хотела сохранить её в памяти, то всё разрешится само собой.

Система ответила не безликим текстом. Она ответила Голосом — искусственно-вежливым, с мягкими, почти ласковыми обертонами, но за этой искусственной лаской сквозила нечеловеческая, ледяная пустота.

— Ваше действие зафиксировано и классифицировано как «одобрение» контента нестабильного источника, — произнес голос, чуть заметно вибрируя, будто рождаясь из самой толщи планшета. — Учитывая ваш возраст и социальный статус, процедура проверки будет проведена в расширенном формате, с участием законных представителей. Уведомление отправлено вашему отцу, Артёму Королёву, и координатору учебного заведения.

Аня оцепенела. В сознании, точно заевшая пластинка, застыла одна фраза: «Уведомление отправлено отцу». Перед внутренним взором мгновенно пронеслась картина: отец сидит в своем кресле в логистическом центре, смотрит на часы, и вместо привычного успокаивающего зеленого света видит этот кроваво-красный пульсар. Она зажмурилась изо всех сил, прикусила до крови губу, чувствуя, как к глазам подступает соленый, обжигающий жар.

— Но это же просто лайк... — прошептала она в промозглую пустоту кабинки. — Я просто хотела поставить лайк.

Ответа не последовало. Только багровый свет на экране, пульсирующий в унисон с её бешено колотящимся сердцем, сжимающимся от ужаса.

В это же самое время, в огромном, залитом неоновым светом пространстве логистического центра «Южный порт», Артём Королёв сидел в своем кресле, раздраженно потирая переносицу. С утра кондиционер работал с каким-то надрывным, назойливым гудением, и в висках начинала пульсировать глупая, ноющая боль. Перед ним на мониторе застыла карта загруженных маршрутов. Он поправил траекторию грузовой платформы, нажал кнопку «Сохранить» и с силой откинулся на спинку скрипучего стула.

Вокруг, создавая монотонный, убаюкивающий шум, гудели экраны. Одни испускали мертвенно-зеленоватое свечение, отображая карты города, другие — сводки индексов, третьи — сухие технические параметры. Всё работало как часы. Идеально. Зелёный. Стерильно-спокойно.

На запястье мягко завибрировали часы. Артём лениво скосил взгляд, ожидая увидеть очередное уведомление от банка или напоминание о кредитном лимите. Но на голографическом экране не было привычного, успокаивающего, изумрудного свечения. Там, пульсируя, как сердечная аритмия, горел тёмно-красный значок.

«Семейный аудит. Инициатор: алгоритм контроля. Причина: взаимодействие несовершеннолетнего члена семьи с источником категории «нестабильный». Требуется ваше незамедлительное участие».

Артём замер. Внутри него что-то оборвалось, упало в ледяную пустоту. Он не сразу осознал, что именно происходит. Дрожащим пальцем он нажал на сообщение, и экран развернул перед ним краткую, но убийственно точную справку: дата, время, пост. Мутная фотография леса. Детский, беззаботный лайк. И красная, как свежая кровь, подпись: «Анна Артёмовна Королёва, 12 лет. Действие: одобрение контента деструктивного характера».

У Артёма перехватило дыхание. Он на секунду оторвал взгляд от экрана, осматриваясь: никто из сослуживцев не обращал на него никакого внимания, все были заняты своими мониторами, своими заботами, своей иллюзией безопасности. Он поднялся, ноги были ватными, и, стараясь не привлекать внимания, прошёл в зону отдыха — маленькую, тесную комнатку с дешевым кофейным автоматом и несколькими пластиковыми, выцветшими стульями. Там никого не было. Он рухнул на стул, сжимая в руке холодный корпус телефона, и попытался отогнать навязчивую мысль о том, что сейчас каждая камера в здании бесстрастно фиксирует каждое его микродвижение.

Он нажал кнопку «Связаться с поддержкой». Экран переключился, и перед ним распустился интерфейс голосового помощника — круглый, мягко пульсирующий успокаивающим синим светом. Голос, лишенный каких-либо эмоций, звучал подозрительно нежно и ласково.

— Здравствуйте, Артём Королёв. Я вижу, вы получили уведомление о семейном аудите. Как я могу помочь вам в этой непростой ситуации?

Артём сглотнул. В горле пересохло, и он кашлянул, пытаясь вернуть голосу хоть какую-то твердость.

— Это ошибка. Моя дочь... она просто посмотрела картинку. Эту фотографию леса. Она даже не вчитывалась в текст! Она просто поставила лайк, потому что ей понравилась красивая картинка. Ей двенадцать лет!

— Понимаю, — с неизменной мягкостью отозвался голос. — Алгоритм тщательно учитывает контекст. Однако любое, даже самое незначительное взаимодействие с источником, классифицированным как «нестабильный», автоматически приравнивается к прямому одобрению, вне зависимости от ваших субъективных объяснений. Это строгое требование протокола, и оно не подлежит оспариванию.

— Но она ребёнок! — Артём повысил голос, но тут же прикусил язык, испугавшись эха в пустой комнате. — Это же несерьёзно, чёрт возьми! Я могу подтвердить, что у неё не было никакого злого умысла. Она не понимает, что делает! Просто...

— Понимаю, — безучастно перебил его голос, перекрывая любой намёк на эмоцию. — Однако система не оперирует категориями «умысел» и «неосторожность». Действие было совершено. Алгоритм, реагирующий на угрозы, уже запущен. Для разрешения данной ситуации вам необходимо в установленном порядке дожидаться решения комиссии. Комиссия рассмотрит ваши апелляционные объяснения в течение ближайших 72 часов. В течение этого периода ваш семейный индекс доверия будет заморожен на текущем уровне. Вам будут временно недоступны любые кредитные программы, социальные льготы и изменения статуса. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие и ожидайте официального уведомления.

Артём открыл рот, чтобы снова возразить, но голос уже мягко, с едва слышным щелчком, отключился, оставив его наедине с пустым, погасшим экраном. Только в самом углу, издевательски насмехаясь, пульсировала красная точка. Метка, клеймо, которое теперь невозможно было стереть, как тавро.

Он сидел неподвижно несколько бесконечных секунд, вглядываясь в мертвый экран. Затем медленно поднял руку и посмотрел на свои часы. Уютный, привычный зелёный свет,

сопровождаявший его день, исчез без следа. Теперь на его месте мигал тревожный жёлто-красный треугольник. «Индекс доверия: 72 (заморожен)».

Он зажмурился, вжимая веки до появления цветных пятен. В голове, обгоняя одна другую, пронеслись мысли: новая серебристая машина, её мягкий кожаный салон, так и не взятый кредит, рейтинг Ирины, который и так висел на волоске из-за нового директора, школьный проект Ани с её дурацкими рифмами. Всё это теперь зависло в безвоздушном пространстве. Не потому, что он, Артём, совершил ошибку. А потому что его двенадцатилетняя дочь просто нажала одну идиотскую кнопку.

— Глупо, — прошептал он в звенящую, душную пустоту. — Глупо, глупо, глупо.

Он тяжело поднялся, подошёл к автомату и налил себе кофе. Горячая, обжигающая жидкость пролилась на руку, вызвав тупую, но отрезвляющую боль, но он даже не обратил на неё внимания. Вернулся за своё рабочее место, опустился в кресло и заставил свои губы растянуться в натянутой, фальшивой улыбке. Он не знал, что делать. Он не знал, как это объяснить. Оставалось только одно — ждать.

Через час, когда гул центрифуг уже начал ввинчиваться в уши, на его планшет пришло короткое уведомление от Ирины. Она написала всего одно слово, выплеснув в него всю свою тревогу: «Звони. Срочно.»

Он набрал её номер, стараясь, чтобы натруженные пальцы не дрожали.

— Артём, — голос жены был надорванным, звенящим от напряжения, как натянутая струна. — Ты уже видел это уведомление?

— Видел, — глухо ответил он, изо всех сил сжимая телефон. — Это же ерунда. Комиссия там разберётся.

— Разберётся?! — в голосе Ирины проскользнула истерическая нотка. — Ты знаешь, сколько людей проходят через эти комиссии? Они не разбираются, Артём! Они тупо смотрят на колонки данных и бездушно выносят вердикт, как машина! У нас есть 72 часа! И если мы не докажем, что это была случайность...

Она резко замолчала. Тишина в трубке стала тяжелой, вязкой, давящей на барабанные перепонки.

— Я что-нибудь придумаю, — сказал он, пытаясь вложить в голос хоть каплю уверенности. — Мы сейчас же поедем домой, я поговорю с Аней, всё ей объясню, и мы вместе напишем заявление. Они поймут, Ира.

— Они не понимают, Артём, — тихо, почти обреченно выдохнула Ирина. — Они... Они просто проверяют.

Он медленно опустил трубку. Вокруг, в огромном зале, гудели экраны, дроны пролетали по заданным маршрутам, сотрудники переговаривались. Всё работало, всё двигалось, всё шло по плану. Всё было зелёным. Кроме него.

Он с такой силой сжал руку в кулак, что ногти впились в ладонь, оставляя болезненные полумесяцы. Он чувствовал, как на часах пульсирует, бьется, как отдельное сердце, маленькая красная точка. Метка, которая отныне будет преследовать их на каждом шагу, куда бы они ни пошли.

И в тот момент он снова подумал о той серебристой машине. О той, которую он мог бы взять, на которой мог бы уехать в другой мир. Но теперь он не мог себе позволить даже думать о кредитном лимите. Потому что эта проклятая красная метка на часах была сильнее, чем все его мечты.

Вечером он стоял у подъезда их панельного дома, вжавшись плечом в холодную, шершавую стену, и ждал Аню. Автобус, скрипнув тормозами, остановился у остановки. Она вышла — маленькая, сгорбленная фигурка в легкой курточке, с рюкзаком, который казался огромным и тяжелым. Она шла, опустив голову, глядя в асфальт. Она не плакала, но глаза у неё были воспаленными, красными и опухшими.

— Пап, — вымолвила она, поднимая на него взгляд, полный такой безысходности и отчаяния, что у него сжалось сердце, — прости меня. Я не хотела. Я просто... картинка была такая красивая.

Он не сердился. Он протянул руку и мягко, трепетно положил её на голову дочери, чувствуя под пальцами тепло её волос.

— Я знаю, — сказал он, сам не веря в свои слова, и снова уставился на часы, на пульсирующую красную метку. — Это просто красная метка. Мы разберёмся.

Но глубоко внутри, там, где бьется истинное, неподвластное системе сердце, он отчётливо чувствовал: это не просто метка. Это начало конца зелёного света. Затмение, которого он так боялся и которого так долго пытался избежать, наконец наступило.

Глава 3. Обнуление

Утро началось не с привычного, назойливого звона будильника, а с пустоты. Это была не та благословенная тишина, что приносит покой, а та, что давит на барабанные перепонки, словно тяжёлый, влажный вакуум, в котором не существовало звуков, но жил страх. Артём открыл глаза, и первым делом его взгляд, ещё мутный от сна, метнулся к запястью. Часы молчали, погружённые в искусственную тьму — он отключил все уведомления на ночь, надеясь украсть у системы несколько часов иллюзорного спокойствия. Но стоило лишь его дрожащему пальцу коснуться холодного стекла, как экран ожил, выплюнув в лицо ледяную строку: «Индекс семьи: 72 (заморожен). Ожидайте решения комиссии. Осталось: 68 часов».

Цифры впились в сетчатку. Он медленно сел на кровати, чувствуя, как матрас скрипит под тяжестью обрушившегося мира. Рядом, свернувшись калачиком, спала Ирина. Всю ночь она ворочалась, металась в липком плену кошмаров, и сейчас её осунувшееся лицо, бледное, как прожжённый пергамент, было очерчено тёмными, глубокими кругами, словно кто-то наложил траурную тень под её глаза. Артём не решился её будить. Он бесшумно, босыми ногами ступая по холодному полу, прошёл на кухню.

За окном, сквозь плотные жалюзи, город оставался всё тем же — серым, выхолощенным, стерильно одинаковым. Но сегодня его привычный пейзаж казался зловещим. Артёму чудилось, что серые бетонные коробки домов, которые он видел каждый день, слегка наклонились к нему, словно безликие великаны, разглядывающие через стекло свою очередную жертву. Кофе-машина зашумела, выпуская обжигающий пар, но в этот раз даже привычный терпкий аромат не принёс успокоения. Он налил себе полную чашку, но не притронулся к ней, только смотрел в окно, чувствуя, как невидимые щупальца системы смыкаются вокруг его горла.

Аня всё ещё спала. Артём нацарапал на клочке бумаги записку: «Не волнуйся. Всё будет хорошо. Завтрак в холодильнике». Он сам слышал фальшь в этих словах, но написал их, потому что иначе поступить не мог — он должен был сохранять видимость порядка, даже когда этот порядок рушился на глазах.

Он механически оделся: строгие брюки, рубашка, выглаженная до хруста. Взял сумку, ключи от старого седана и вышел, стараясь не хлопнуть дверью. Лифт спустил его на подземную парковку, где стояла его колымага. Двигатель кашлянул, вздрогнул, но завёлся. Навигатор, словно издеваясь, моментально высветил идеальный маршрут до работы — ровная зелёная линия, обещающая отсутствие пробок. Артём смотрел на этот зелёный луч, на эту верную ленту, и с горечью думал о том, что машине, карте и навигатору совершенно плевать на его индекс. Они просто вели его по дороге, в то время как вся его жизнь перешла в бездну.

В логистическом центре «Южный порт» кипела привычная, монотонная жизнь. Стекланные двери бесшумно разъехались, пропуская его внутрь. Артём привычным жестом поднёс пластиковый пропуск к считывателю на турникете. Раздался короткий, резкий писк. И — тишина. Металлические створки, обычно послушно расходящиеся в стороны, остались неподвижными.

Вместо привычного, убаюкивающего зелёного огонька, загорелся тревожный жёлтый, а затем — багрово-красный. На экране вспыхнула безапелляционная надпись: «Доступ запрещён. Статус: недействителен».

Артём замер, вцепившись в пропуск так сильно, что пластик жалобно хрустнул. Он поднёс его ещё раз — результат был тот же. Он нажал кнопку вызова. Через минуту, словно из небытия, из внутренних дверей вышел охранник. Это был молодой парень в тёмно-синей униформе с нашивкой «Служба безопасности». Его лицо было абсолютно лишено каких-либо эмоций, казалось, его вырезали из воска — идеально ровное, без единой складочки, как у бездушного манекена, сошедшего с витрины торгового центра.

— Артём Королёв? — осведомился он, даже не взглянув на пропуск.

— Да, — ответил Артём, чувствуя, как внутри него всё сжимается в тугую, болезненный комок.

— Пройдите со мной. Вас ждут в комнате для совещаний.

Охранник не дал выбора, не объяснил причин. Он просто повернулся спиной, ожидая, что Артём последует за ним, словно невидимый поводок, натянутый на шею. Артём повиновался. Внутренний голос, инстинкт самосохранения, шептал ему, что спорить с этой машиной бесполезно.

Комната для совещаний располагалась на втором этаже, в конце бесконечного, стерильного коридора с бетонными стенами, где пахло озоном и плесенью одновременно. Окна здесь были зашториваны плотными, непроницаемыми жалюзи, и даже в разгар дня здесь горел холодный, мертвенно-белый свет, выхолащивающий любые тени. Внутри стоял пустой стол и три стула. За столом, словно каменные изваяния, сидели двое — мужчина и женщина, облачённые в безупречные, тёмные костюмы. На груди у них висели идентификационные карточки с голубыми полосами, которые не оставляли сомнений: они представляли отдел «Анализа социальных рисков».

— Садитесь, — приказал мужчина, жестом указав на стул напротив.

Артём сел. Между ними на столе лежал только небольшой планшет, покрытый царапинами. Женщина взяла его, провела по экрану длинным, идеально чистым пальцем и начала зачитывать вслух, не отрывая глаз от экрана, словно зачитывала смертный приговор:

— Артём Королёв, 1976 года рождения, индекс семьи 72. На основании решения алгоритма контроля, после фиксации взаимодействия несовершеннолетней Анны Королёвой с источником категории «нестабильный», проведена внеочередная углубленная верификация. В результате анализа цифрового следа выявлены дополнительные критерии социального риска: просмотр вами в течение последних 30 дней трёх статей, снабжённых пометкой «дискуссионные», и участие в сетевом обсуждении с пользователем, идентифицированным позже как «потенциально дестабилизирующий элемент».

У Артёма перехватило дыхание.

— Что? Я не помню... — его голос сорвался. — Я читал новости, обычные городские новости. Это была статья про транспортную реформу. Я оставил там комментарий, совершенно нейтральный, просто отметил неудобство маршрутов...

— Алгоритм не различает вашу субъективную «нейтральность» и не оперирует понятиями «обычности», — перебила женщина, всё так же бесстрастно глядя в экран. — Любая активность на площадках, классифицированных как «дискуссионные», приравнивается к потенциально рискованному поведению. Ваши действия были сопоставлены с действиями вашей дочери. Совокупность накопленных факторов привела к автоматическому, строго математическому перерасчёту индекса.

Мужчина, не проронив ни слова, протянул через стол лист бумаги. Настоящий, осязаемый, плотный лист, распечатанный на принтере. Такая архаичная материальность в мире цифровых планшетов была призвана придать процедуре особую, пугающую торжественность. Артём взял лист, и первое, что бросилось в глаза — огромная, отпечатанная жирным шрифтом цифра в правом верхнем углу: 10.

— Десять? — прошептал он, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

— Индекс семьи снижен до 10 баллов, — отчеканила женщина, наконец поднимая взгляд. — Это критический порог, после которого любая муниципальная поддержка автоматически аннулируется. В течение 72 часов вы обязаны освободить занимаемое вами жилое помещение. Ваша медицинская страховка аннулируется с момента получения данного уведомления. Детская страховка — также. Ваша дочь, Анна Королёва, будет исключена из текущего

учебного заведения и переведена в учреждение с особым режимом содержания, в городе-спутнике «Сосновый», для прохождения расширенной программы социальной адаптации.

Артём смотрел на листок. От напечатанных строк исходил холод, как от надгробной плиты. Кровь отхлынула от лица, оставив на коже липкий, нездоровый бледный оттенок.

— Это ошибка, — выдавил он, из последних сил стараясь удержать голос от дрожи. — Моя дочь просто поставила лайк под фотографией леса. Она ребёнок. Я готов пройти любые проверки, дать объяснения, предоставить любые доказательства.

— Апелляция возможна, — отозвался мужчина, и впервые за всё время его губы растянулись в механической, неестественной улыбке, похожей на оскал куклы-чревовещателя. — Для её подачи вам необходимо заполнить соответствующую форму на портале «Ткань». Однако, согласно регламенту, форма требует подтверждения от двух свидетелей с текущим индексом выше 80, которые дадут гарантии вашей социальной благонадёжности. Это стандартная, не подлежащая обсуждению процедура.

Артём молчал. Индекс выше 80. В его сознании мгновенно вспыхнул и погас список контактов. Его ближайшие коллеги болтались в коридоре между 65 и 78. Соседи, с которыми он здоровался в лифте, имели индекс 60. Он не знал ни одной живой души, чья жизнь была бы настолько прозрачной, идеальной и «зелёной», чтобы кто-то рискнул поручиться за семью, которая уже получила своё красное клеймо.

— Мне нужно время, чтобы найти свидетелей, — глухо произнёс он, комкая край бумаги.

— У вас 48 часов на подачу апелляционной формы. После истечения данного срока решение вступит в полную юридическую силу, — ровным голосом добавила женщина, поднимаясь со стула. — Будьте здоровы.

Они вышли, оставив Артёма одного в этой бетонной коробке. Свет горел ровно, без единого мерцания. Он сидел неподвижно, глядя на бумагу, на цифру «10». Десять — это не просто красный свет. Это чёрная дыра, в которую провалилось всё его прошлое и будущее.

Он вытащил телефон, набрал номер Ирины. Гудок, ещё один, затем бездушный автоответчик. Он позвонил снова — тот же результат. Пальцы дрожали, и он написал в мессенджере: «Ира, звони срочно. Это очень серьёзно».

Через пять минут телефон завибрировал, и на экране всплыло имя жены. Голос Ирины, который он слышал в трубке, был хриплым, надорванным, словно она только что ревела навзрыд.

— Артём... — начала она, и в горле у неё что-то булькнуло, захлебнувшись.

— Ира, что случилось? Где ты?

— Я в школе, — её голос дрогнул. — Вернее, меня только что вывели из класса. Координатор, он пришёл прямо на уроке... посреди уравнения. Сказал, что я временно отстранена от преподавания до завершения проверки. Дети смотрели на меня, Артём... тридцать пар глаз. Они смотрели, не мигая, и молчали. Я чувствовала себя прокажённой. Я не знала, куда бежать.

Артём зажмурился. Перед его мысленным взором нарисовалась картина: Ирина стоит у доски, в руках мел, на доске недописанное уравнение. И вдруг дверь распахивается, и входят двое в тёмных костюмах. Она собирает вещи под безмолвным, прожигающим взглядом детей. Адская тишина, в которой не слышно даже шелеста страниц.

— Ты не представляешь, что я только что узнал, — произнёс он, сжимая телефон так, что пластик затрещал. — Наш индекс снижен до десяти. Нас выселяют через трое суток. Аню отправляют в город-спутник. В «Сосновый».

В трубке повисла мертвая тишина. Затем Ирина тяжело, с надрывом вздохнула, словно задышалась под водой.

— В «Сосновый»? — её голос сорвался на фальцет. — Это же закрытая исправительная колония для несовершеннолетних?! Там же... там же казарменный режим! Там нет нормальных уроков, только перевоспитание. Это тюрьма, Артём!

— Я знаю, — его голос звучал глухо, механически. — Но я подам апелляцию. Мне нужно найти двух свидетелей с индексом выше восьмидесяти.

— У нас есть такие? — в её голосе звучала обречённая, безнадёжная мольба.

— Нет, — выдохнул он.

— Тогда... — она всхлипнула, — что же нам теперь делать?

Артём хотел сказать любимую фразу — «Всё будет хорошо». Но слова застряли в гортани колючей проволокой. Он лишь смотрел на лист бумаги с цифрой «10», ощущая, как мир вокруг него осыпается, превращаясь в прах, подобно карточному домику, из которого безжалостная рука выдернула нижнюю опору.

— Я попробую найти, — прошептал он севшим голосом. — Я позвоню... нескольким старым знакомым. Может быть, у кого-то индекс выше.

— Позвони, — едва слышно ответила Ирина. — А я сейчас поеду за Аней. Наверное, её тоже...

Она не закончила фразу. Он услышал глухой, сдавленный всхлип и понял, что больше не может слышать её голос.

— Ира, я еду домой. Мы встретимся там. Держись.

Он нажал «отбой» и вышел из комнаты. Коридор был безлюден. Он прошёл мимо турникета, и охранник даже не поднял на него взгляд, словно он уже стал призраком. Артём вышел на улицу, сел в машину, и навигатор, не ведающий ни о чём, ровным зелёным светом высветил маршрут: «Домой». Системе было всё равно. Она вела его домой, даже не подозревая, что домой он больше никогда не вернётся.

Через полчаса он стоял у входных дверей школы Ани. Старое, но аккуратное здание с вывеской «Школа с углублённым изучением языков» казалось сейчас ему декорацией к чужому спектаклю. Он ждал, вцепившись взглядом в часы, на которых мертвенно пульсировал красный треугольник. Минуты тянулись бесконечно. Десять минут. Пятнадцать. Наконец дверь с тихим скрипом отворилась.

На пороге стояла Аня. Её лицо было залито слезами, глаза покраснели и распухли. Рядом с ней стояла классная руководительница — женщина лет пятидесяти, с застывшим лицом, в котором застыло выражение одновременно вины и жалости. Аня шла, низко опустив голову, сжимая в руках пустой, потёртый рюкзак. Артём шагнул к ней навстречу, разрывая протокольную дистанцию.

— Папа... — выдохнула она, сорвавшись на бег, и уткнулась лицом в жёсткую ткань его куртки, сотрясаясь от беззвучных рыданий. Он сжал её в объятиях, чувствуя, как её маленькие плечи ходят ходуном.

— Что случилось, Аня? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Она не могла говорить. За неё ответила учительница, сделав шаг ближе и понизив голос до сочувственного шёпота:

— Артём Артёмович, мне очень жаль. Только что пришёл приказ из городского отдела образования. Анну отстраняют от занятий с сегодняшнего дня. Её личное дело передано в систему распределения, и мне сообщили, что она будет направлена в учреждение закрытого типа «Сосновый». Я... — женщина развела руками, — я бессильна. Дети в классе... они начали шептаться, обсуждать её. Анна просто стояла, вцепившись в край парты, глядя в стену, пока я собирала её вещи.

Артём посмотрел на Аню. Она подняла заплаканное лицо — слёзы оставляли мокрые дорожки на её бледных щеках.

— Пап, это из-за того лайка? — прошептала она, заикаясь. — Я не хотела. Я просто картинку... лес был такой красивый, я хотела его сохранить. Я думала, что это просто картинка.

— Ты не виновата, Аня, — сказал он, поглаживая её по растрёпанным волосам. — Это не твоя вина. Никогда не смей в этом сомневаться.

Он повёл её к машине. Всю дорогу до дома они молчали. Аня сидела на заднем сиденье, прижавшись лбом к холодному стеклу, безучастно глядя на проплывающие мимо серые коробки домов. Артём вёл машину, вцепившись в руль так, что побелели костяшки пальцев.

Дома их ждала Ирина. Она сидела на кухне, обессиленно сжимая в руках давно остывшую чашку чая. Когда дверь распахнулась, она вскочила, подбежала к Ане и сжала её в объятиях так крепко, что девочка почти задохнулась. Они стояли втроём в тесной прихожей, сплетённые в один дрожащий клубок отчаяния, и никто не произносил ни слова. Только прерывистое дыхание и приглушённые всхлипы наполняли комнату.

Вечером, когда Аню наконец удалось уложить спать, Артём открыл планшет. Он зашёл на портал «Ткань», нашёл раздел «Апелляции». Перед ним распахнулась пустая, белая форма с пятью полями: Имя, Номер, Причина, Объяснение. И в самом низу, выделенное красным: «Требуется подтверждение двух свидетелей с индексом ≥ 80 . Введите их идентификационные номера».

Он принялся методично перебирать свои контакты. Бывший однокурсник — индекс 73. Сосед с четвёртого этажа — 62. Партнёр по проекту, который когда-то просил его о помощи — 69. Никто не дотягивал до нужного уровня. Даже близко.

С последней надеждой он набрал номер знакомого, который работал в городской администрации. Трубку взяли почти сразу, но голос, который он услышал, был холоднее льда.

— Артём, прости, но я не могу. У меня индекс 79. Если я поставлю свою подпись за тебя, система автоматически снизит мне балл. Ты же сам знаешь эти правила. Они неумолимы.

— Я знаю, — перебил Артём. — Но я в отчаянии, мне нужна помощь...

— Я не могу рисковать, — оборвал знакомый. — У меня дочь учится в той же языковой школе. Если упадёт мой индекс, её переведут в обычную, в ту самую «Сосновый». Я не могу поставить её под удар. Прости.

Артём не стал спорить. Он положил трубку и посмотрел на экран. Форма висела незаполненная, как белый саван.

— Может, мы уедем? — из-за спины раздался голос Ирины, она подошла и встала рядом, глядя на тот же пустой экран. — Просто соберём самое необходимое и покинем город. У нас есть машина, есть немного денег.

— Система отследит нас, — голос Артёма был глухим, как из-под земли. — Они заморозят все карты, заблокируют доступ. Мы не сможем купить даже буханку хлеба.

— Тогда что же нам делать? — голос жены дрогнул.

Он покачал головой, глядя на пульсирующий в углу экрана красный значок.

— Мы будем ждать. Через три дня нас выселят. Аню отправят в «Сосновый». Нас... не знаю куда. В какой-нибудь центр адаптации, или, если они решат, что мы безнадежны, прямо в Красную зону.

При этих словах Ирина вздрогнула, как от удара.

— Красная зона? — выдохнула она, и в голосе её зазвучал животный ужас.

— Они не говорят этого напрямую, — Артём криво усмехнулся. — Но «перевод в город-спутник для социальной адаптации» — это эвфемизм. Там система не работает, там нет индексов, там только выживание, голод и бетонные стены.

Дверь в комнату Ани тихо приоткрылась. Аня вышла на порог, бледная как полотно, с планшетом в руках.

— Пап, — её голос был тонким, ломким, как осенний лист. — Посмотри.

Он взял планшет. На экране была та самая фотография, которую она поставила сегодня. Лес. Тот самый, живой и мокрый от росы. Но сейчас, поверх него, алым, безжалостным шрифтом горела надпись: «Источник удалён. Ссылка недействительна».

— Они удалили пост, — прошептала Аня, и в уголках её глаз снова заблестели слёзы. — Леса больше нет... Даже картинки не осталось.

Артём смотрел на пустой экран, на красную надпись, съедавшую красоту. Он чувствовал, как мир сжимается, превращаясь в точку. Как все пути отрезаны, и в его груди, в сердце, медленно, безвозвратно гаснет последний зелёный огонёк.

Он закрыл планшет, положил его на стол, обнял дочь и жену, прижав их к себе со всей силой отчаяния, и прошептал в их волосы, почти беззвучно, тихо, как выдох умирающего:

— Мы ещё что-нибудь придумаем.

Но он сам не верил в эти слова. И они не верили. Потому что надежда уже покинула этот дом.

За окном, далеко-далеко за бетонными высотками, тускло, угрожающе, как глаз циклопа, мерцал багровый купол Красной зоны. И Артём смотрел на него, уже не отворачиваясь, впиваясь взглядом в эту зловещую пульсацию, чувствуя, как она медленно втягивает его в свою воронку.

Глава 4. Брокеры

Солнце ещё не взошло — за окнами стояла та самая густая, липкая предрассветная темень, которая давит на веки, когда город замирает в мёртвой зоне. Артём проснулся не от звука, не от толчка, а от собственного, рваного, хриплого дыхания, похожего на всхлипы загнанного в угол зверя. Он лежал на продавленном диване в гостиной — в спальне Ирина и Аня сплелись в тугую, незащитный клубок под одним одеялом, ибо отчаяние не позволяло им существовать по отдельности в этой бесконечной ночи. Он смотрел в белый потолок, по которому, словно призрачные змеи, колыхались мутные отражения уличных фонарей, и механически, с упорством обречённого, перебирал в голове список: документы, деньги, вещи. Три дня. Теперь уже не 72 часа, а меньше — он считал каждую ускользающую секунду, чувствуя, как время становится вязким, как застывающий кисель. Часы на запястье безжалостно высвечивали: «Индекс: 10. Осталось: 58 часов».

Он сел. Ноги подкашивались, в голове гудел тяжёлый, ватный гул, словно кто-то бил по наковальне. На кухне, не зажигая света, он налил стакан ледяной воды и выпил залпом, чувствуя, как обжигающая влага продирается сквозь пересохшее горло, оставляя за собой лишь пустоту. В коридоре раздались осторожные, шаркающие шаги. Ирина вышла, закутанная в полинявший халат, и в тусклом свете, сочившемся из щелей, казалась призрачной тенью. Её глаза были совершенно сухими, но веки покраснели до такой степени, словно их жгли огнём — так выглядят люди, которые проплакали всю ночь, пока слёзы не иссякли, оставив лишь солёную, обжигающую боль.

— Ты не спал, — сказала она, и голос её был тусклым, лишённым интонаций.

— Не спал, — глухо отозвался он, поворачиваясь к ней. — Надо собираться. Быстро.

— Я знаю. Я уже начала, — она кивнула в сторону прихожей, где у стены сиротливо стоял старый, потрёпанный чемодан с глубокими царапинами и облупившимися углами. — Они сказали: только один на человека. И ничего, что можно использовать для «дестабилизации». Технику — только один планшет на всю семью, с урезанным доступом. Остальное — только одежда и личные вещи.

Артём подошёл к чемодану и щёлкнул замками. Внутри лежали аккуратно сложенные футболки, джинсы, несколько тяжёлых шерстяных свитеров. А сверху, словно хрупкая реликвия, лежал старый, пожелтевший фотоальбом с потёртыми кожаными уголками. Артём удивлённо замер.

— Ты взяла альбом? — спросил он, чувствуя, как к горлу подкатывает тёплая волна.

— Да, — тихо ответила она. — Там наши свадебные снимки. И Аня, когда она была крохой. Я не хочу, чтобы они просто исчезли. В облаке их больше нет — система безжалостно стёрла все наши архивы, все цифровые следы.

Артём почувствовал, как в груди что-то болезненно сжалось, будто стальной обруч. Он осторожно поднял альбом, пролистав несколько страниц. Вот они с Ириной на настоящем морском пляже — она смеётся, запрокинув голову, ветер развеивает её волосы, и это было время, когда солнце казалось реальным. Вот Аня в прогулочной коляске, с пустышкой во рту, серьёзная, как маленький философ. Эти снимки, эти кусочки осязаемой памяти были теперь единственным, что осталось от их прежней жизни — той, где не существовало индекса. Он тяжело закрыл альбом и бережно положил его обратно.

— Я возьму документы, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — И нож.

— Нож? — Ирина подняла бровь, и в этом движении промелькнула тень былой ироничной живости.

— У меня есть старый складной нож, который отец подарил мне на восемнадцатилетие. Он не электрический, у него нет аккумулятора. Но в «Сосновом» не будет ни удобств, ни нормальных инструментов. Он может нам пригодиться.

Она кивнула, не задавая больше вопросов. Молчаливое понимание между ними сейчас было сильнее любых слов.

В комнате Ани царила неестественная, звенящая тишина. Артём осторожно заглянул туда — дочь сидела на краю кровати, вжавшись спиной в стену, и судорожно сжимала в руках маленького плюшевого медвежонка. Игрушка была старая, с вытертым до дыр мехом и одним оторванным, болтающимся на нитке ухом — подарок, который Аня получила ещё в четырёх-летнем возрасте, и который пережил все эти годы. Рядом с ней лежал рюкзак, в который она уже сложила самую малость: потрёпанную тетрадь, несколько остро заточенных карандашей и потрёпанную книгу — сборник старых сказок, который ей читала бабушка.

— Пап, — выдохнула она, поднимая на него огромные, влажные глаза, — я хочу взять его с собой.

— Бери, конечно, — ответил он, садясь на краешек её кровати. — Он твой друг, он твой талисман.

Она прижала медвежонка к груди так крепко, словно боялась, что его отнимут. Артём сел рядом, чувствуя, как пружины матраса уходят вниз под его весом.

— Аня, я не знаю, что с нами будет завтра. Но я сделаю всё, что в моих силах, чтобы мы остались вместе. Обещаю.

Она посмотрела на него — в её детском взгляде одновременно жили отчаянная надежда и ледяной, животный страх.

— А если не получится? — прошептала она так тихо, что он едва расслышал.

Он не знал, что ответить. Слова застряли в горле колючим комом. Вместо ответа он просто сжал её в объятиях, чувствуя, как от её волос пахнет детским шампунем и сном, а плечи её дрожат мелкой, нервной дрожью.

— Получится, — солгал он, и голос его предательски дрогнул.

В десять утра, когда город уже вошёл в свою привычную, бездушную колею, Артём приступил к обзвону. Первым в списке был его бывший коллега Сергей — человек, с которым они вместе корпели над запуском нового маршрута, делили смены и пили дешёвый кофе в курилке. Трубку взяли только после пятого, затяжного гудка. Когда Сергей услышал голос Артёма, в динамике повисла тяжёлая, гнетущая пауза.

— Серег, — начал Артём, стараясь удержать голос на плаву. — Ты знаешь, что произошло. Мне нужна твоя подпись для апелляции. У тебя же индекс, кажется, 78? Если я найду кого-то с 80, а ты просто подтвердишь мою благонадёжность...

— Артём, — резко перебил его Сергей, и в его напряжённом голосе прорезался металл. — Я не могу. Мне только что пришло уведомление от «Ткани»: «Обнаружена попытка взаимодействия с субъектом с пониженным индексом. Рекомендуется избегать контакта». Если я сниму трубку ещё раз, система автоматически понизит мне баллы. Прости, я не могу рисковать.

— Серег, я же не прошу ничего сверхъестественного! Просто подтверди, что я человек, что я не враг народа!

— Ты нормальный, но системе плевать на нормальность. Прости, брат. Я не могу ставить под удар свою семью.

— У меня тоже есть семья! — выкрикнул Артём, но в трубке уже раздались короткие, безжалостные гудки, похожие на последние удары пульса.

Артём сжал телефон так, что пластик жалобно хрустнул. Он набрал второго номера — другого бывшего коллеги. Потом третьего — знакомого из мэрии. Никто не брал трубку. В ответ слышались только бездушные автоответчики или глухие, испуганные «алло», за кото-

рыми немедленно следовало: «Прости, я занят». Он набрал ещё раз и услышал механический, отчуждённый голос: «Номер временно заблокирован».

Он швырнул телефон на стол и закрыл лицо ладонями, чувствуя, как мир сжимается до размеров крошечной клетки.

Тем временем Ирина набирала номер своей матери, которая жила в соседнем, обветшалом городе, в так называемом «старом районе», где система работала с перебоями, а связь была ненадёжной, как старая радиоволна. Она мучительно ждала, пока длинные, протяжные гудки вырывались из динамика.

— Мама, — начала Ирина, и голос её дрожал, как натянутая струна. — У нас случилась беда. Артём тебе рассказывал?

— Да, он звонил вчера, — голос матери был старым, выцветшим, с хрипотцой, но в нём, как тлеющий уголёк, всё ещё билась тревога. — Я всё знаю, доченька. Но я ничем не могу помочь.

— Почему? Ты же можешь просто написать в системе, что знаешь нас. Ты на пенсии, у тебя индекс 85. Ты имеешь право!

— Ирина, — мать тяжело, с надрывом вздохнула. — Ко мне сегодня приходили из социальной службы. Сказали, что если я окажу любую помощь «красным», то есть вам, мой индекс срежут до тридцати. У меня пенсия, я одна. Если упадёт индекс — меня лишат льгот, меня выселят из квартиры. Я не могу рисковать, я слишком стара для этого.

Ирина замолчала, застыв с телефоном у уха. Она смотрела на экран, где лицо матери было бледным, испещрённым морщинами, виноватым и бессильным.

— Мама, я всё понимаю... — её голос сорвался. — Но это же твоя внучка! Анна!

— Я знаю, милая, я знаю, — ответила мать, и в её голосе явственно послышались слёзы. — Я молюсь за вас каждую ночь. Но система, она не слышит молитв. Она слышит только цифры. Прости меня.

Ирина нажала «Отбой» и уронила телефон на диван, как горячую картофелину. Артём подошёл к ней, тяжело опустился на колени и обнял её за плечи, чувствуя, как она дрожит.

— Мы справимся, — прошептал он ей в висок. — Я найду выход. Клянусь.

В три часа дня, когда солнце стояло в зените, но не грело, Артём сел в свою старую колымагу и поехал к главному зданию управления индексами. Это был настоящий стеклянный монстр, сверкающий хромом и сталью, с огромным, пульсирующим экраном на фасаде, где безостановочно бежали сияющие зелёные цифры — общий индекс города, средний балл по районам, по профессиям. Артём припарковался на платной стоянке, но его карта уже была заблокирована — он расплатился последними, хрустящими купюрами наличных, которые у него оставались.

Он подошёл к стеклянным дверям. У входа стояли двое охранников в чёрной, отливающей гляncем униформе, с электрошокерами и дубинками на поясах. Один из них держал в руках планшет. Они преградили ему путь, как бетонные стены.

— Артём Королёв, — произнёс охранник, мельком взглянув на экран планшета. — Индекс 10. Доступ к зданию категорически запрещён. Вам не разрешено находиться на расстоянии ближе ста метров от любых административных объектов.

— Мне необходимо подать апелляцию, — сказал Артём, стараясь вложить в голос всю свою оставшуюся уверенность. — Лично. Я хочу говорить с членом комиссии. Я имею на это право.

— Апелляции подаются исключительно через портал «Ткань», — отчеканил охранник. — Личный приём для лиц с индексом ниже 70 не предусмотрен регламентом. Пожалуйста, покиньте территорию.

— Я не могу уйти, у меня нет выбора! — воскликнул Артём, и в его голосе прорвался давно сдерживаемый крик отчаяния. — Меня выселяют через два дня! Мою дочь отправляют в исправительный лагерь! Это несправедливо!

Охранник медленно, с ледяным спокойствием поднял руку, останавливая второго, который уже начал стаскивать с пояса резиновую дубинку. Его лицо было непроницаемым, как у робота.

— Ещё одно слово, и я вызову патруль, — сказал он, и голос его не предвещал ничего хорошего. — Вам предъявят обвинение в нарушении общественного порядка. У вас и так индекс 10. Вы уверены, что хотите сделать его отрицательным?

Артём перевёл взгляд с налитой свинцом дубинки на холодные, стеклянные глаза охранника, а затем на огромный, светящийся экран за его спиной, где бежали, плясали и переливались эти насмешливые зелёные цифры. Он молча развернулся, чувствуя, как внутри него, в груди, с хрустом обрывается последняя нить надежды, и пошёл к машине. Он сел за руль, устался на стеклянное чудовище, и впервые за долгие, долгие годы, по его щекам потекли обжигающие, солёные слёзы. Не от боли — от абсолютного, тотального бессилия.

Вечером они сидели втроём на тесной кухне. Чемоданы, точно гробы, стояли у входной двери, напоминая о неизбежном. Аня сидела с планшетом в руках, безуспешно пытаясь найти в новостях хоть что-то, что могло бы дать им передышку. Но на экране горели лишь безрадостные заголовки о новом рекорде индекса города. Ирина читала старую, потрёпанную книгу — «Маленький принц», подаренный когда-то её матерью. Она перелистывала страницы медленно, едва шевеля губами, вчитываясь в строчки, как в молитвы. Сам Артём сидел у окна, поджав колени, и смотрел на улицу, где прохожие спешили по своим делам, не глядя друг на друга, не замечая ничего вокруг.

В одиннадцать часов, когда Ирина и Аня уже ушли в спальню, но, скорее всего, не спали, Артём включил планшет. Он зашёл в браузер, но система уже затянула все петли: большинство сайтов были заблокированы, новости отфильтрованы, поисковая выдача подчищалась до «релевантных», то есть безопасных, результатов. Он набрал «как обжаловать индекс» — стандартный шаблонный ответ: «Обратитесь в службу поддержки». Он набрал «снижение индекса апелляция» — и снова увидел ту же самую сухую, бездушную отписку.

И когда он уже почти сдался, опустив руки на клавиатуру, его взгляд случайно зацепился за строчку в истории. Ссылка на старый форум. Он мелькнул в списке рекомендованных ещё позавчера, но тогда он не придавал ей значения. Форум назывался «Свободная мысль» и был помечен зловещим ярлыком «устаревший, не модерлируемый». Артём судорожно нажал на ссылку. К его удивлению, страница загрузилась мгновенно, проскочив все фильтры, словно прорвавшись сквозь незаметную брешь в системе.

Форум выглядел как склеп из прошлого: унылый серый фон, чёрный, пиксельный шрифт, минимум картинок. На самом верху висело агрессивное предупреждение: «Ресурс не одобрен системой «Ткань». Вся информация используется на ваш собственный риск». Сообщений было немного, но в одном из них, написанном пользователем с ником «КиберСтранник», разворачивалась тема с пугающим заголовком: «Чистка цифрового следа: реальная помощь или ловушка?».

Артём вцепился в экран, впитывая каждое слово. Он читал комментарии, где неизвестные ему люди, такие же изгои, делились обрывочными сведениями: «Мой друг нанял брокера, через неделю его индекс подняли до 60. Потом он исчез, уехал в другой город, его не искали». «Но будьте очень осторожны — брокеры берут деньги, а иногда просто пропадают, растворяются в системе». «Есть один проверенный контакт: телеграм-канал @clean_slate, он зашифрован. Напишите, если отчаянно нуждаетесь в помощи».

Артём вырвал из тетради клочок бумаги и дрожащим почерком записал адрес. У него больше не было безопасного места для хранения данных — система могла стереть любой файл

в считанные секунды. Он перечитал ещё несколько строк. Брокеры могли «подменить» цифровой профиль, переписать историю, вычистить нежелательные взаимодействия, как ластик стирает карандашные линии. Но цена была астрономической — от пяти тысяч кредитов за базовую операцию до двадцати тысяч за полную чистку.

У Артёма на заблокированном счету застыло около трёх тысяч — всё, что осталось после тотальной заморозки. Но он знал, что Ирина, движимая древним инстинктом, прятала немного наличных, «на чёрный день», в конверте под старым матрасом. Он встал, бесшумно прошёл в спальню. Ирина лежала с открытыми глазами, безжизненно глядя в тёмный потолок. Он присел на край кровати, чувствуя, как матрас прогибается под его весом.

— Ира, — выдохнул он шёпотом, боясь разбудить тишину. — Я кажется, нашёл способ. Это рискованно до безумия, но это возможно. Есть люди, которые могут уничтожить наш цифровой след. Но это потребует денег.

Она приподнялась на локте, и в глубине её помутневших глаз мелькнула и тут же погасла, как спичка в буре, искра надежды.

— Это незаконно? — спросила она, и голос её был тих, как шёпот листьев.

— Всё, что мы делаем сейчас, — это уже нарушение закона. Но у нас нет иного выбора, Ира.

— Сколько?

— Три тысячи, может, пять. У тебя остались наличные?

Она молча кивнула, и, не говоря ни слова, сбросила с себя одеяло, подошла к старому шкафу и, с усилием приподняв тяжёлый, пыльный матрас, извлекла из недр потайной конверт. На его поверхности лежала тонкая, но плотная стопка купюр — четыре с половиной тысячи, которые она с молитвами копила последние три года.

— Этого хватит? — спросила она, глядя на него с тревогой, смешанной с отчаянием.

— Этого должно хватить. Я напишу им сегодня, не откладывая.

Он вышел на кухню, включил планшет, и, чувствуя, как бьётся пульс в кончиках пальцев, открыл зашифрованный мессенджер. Он был вшит в старый браузер, и «Ткань» по какой-то необъяснимой причине не блокировала его. Он ткнул в строку адреса: @clean_slate. Дрожащими пальцами набрал: «Мне нужна помощь. Семья, индекс 10. Три дня до выселения. Могу заплатить. Свяжитесь со мной».

Он нажал «Отправить» и замер, глядя на экран, как на бездну. Прошло несколько томительных минут. Вдруг зажглась зелёная галочка — сообщение дошло до адресата. Затем — серая галочка, означающая, что текст был прочитан. И снова — абсолютная, гнетущая тишина.

Он ждал. Минута, две, пять. Сердце стучало где-то в горле, перекрывая кислород. Наконец экран мигнул. Пришло короткое, как удар ножа, ответное сообщение: «Мы знаем. Завтра в 10 утра. Место встречи будет отправлено позднее. Деньги только наличными. Имена не называть. Удалите всё немедленно». И подпись: «Брокер».

Артём перечитал эти скупые строки трижды, заучивая каждое слово наизусть. Затем, методично, как чистильщик оружия, он уничтожил всё: сообщение, контакт, историю переписки. Он закрыл планшет, положил его на стол и подошёл к окну. В стекле, словно надгробные огни, мигали огни ночного города, а далеко-далеко, на горизонте, привычно тускло пульсировал кровавый купол Красной зоны.

Он не знал, что ждёт его завтра. Он не знал, явится ли кто-то на эту встречу или это очередная ловушка системы. Но он знал, что на этой тонкой, хрупкой ниточке — всё, что у них осталось. И эта нить была лучше, чем абсолютная пустота.

Он вернулся в спальню, лёг на краешек кровати, рядом с Ириной, и прижал её к себе. Она повернулась, уткнувшись лицом в его грудь, и он чувствовал, как её горячее дыхание согревает холодную кожу.

— Всё будет хорошо? — прошептала она в темноту, и в голосе её была детская, почти надрывная мольба.

— Всё будет, — сказал он, глядя широко открытыми глазами в потолок. Но в его собственном голосе не было ни капли уверенности.

Он лежал и ждал утра. За окном, в тусклом, болезненном свете фонарей, стояла глухая, безмолвная тишина. Никто во всём этом огромном городе не знал, что завтрашний день изменит всё. Но Артём уже чувствовал, что перешагнул ту черту, за которой нет дороги назад. Он приоткрыл веки и снова взглянул на запястье.

Там, в темноте, неумолимо пульсировала красная метка. И цифра «10», словно секундомер на бомбе, медленно, методично, неотвратимо приближалась к заветному, роковому нулю.

Глава 5. Спутник

Автобус, которому предстояло унести их из привычного мира в неизвестность, был чудовищем из прошлого. Его облупившаяся, когда-то синяя краска отслаивалась крупными чешуйками, обнажая ржавчину, проступившую, словно проказа. Мутные, покрытые въедливой грязью стёкла искажали пейзаж, делая и без того серое небо за ними ещё более безнадёжным, свинцовым. Внутри, в этом тесном, пропахшем соляной кислотой и кислым потом чреве, царила та особенная, тягучая атмосфера обречённости, когда люди уже не надеются, а просто покорно ждут. Артём сидел у окна, прижавшись лбом к холодному, влажному стеклу. Рядом, сжавшись в комок, сидели Ирина и Аня. Их жёсткие, пластиковые сиденья, казалось, были вырезаны из самого отчаяния, и каждый ухаб на дороге отдавался тупой болью в позвоночнике. Чемоданы, словно верные псы, стояли у их ног, а рюкзак Ани, пристроенный на спинке впереди стоящего кресла, сиротливо свешивал наружу плюшевую лапу её верного медвежонка — последнего свидетеля утраченной невинности.

Город, такой привычный и одновременно чужой, начал медленно таять за окнами, как мираж. Сначала исчезли знакомые кварталы — спальные районы с их безликими бетонными коробками, жёлтые лоскутки рекреационных зон, похожие на шахматные доски, и навязчивая подсветка торговых центров, излучавшая ложное, обманчивое тепло. Затем пошли уродливые пустыри, заросшие чахлым, колючим кустарником, и призраки заброшенных заводов — их выбитые окна напоминали пустые глазницы, глядящие в никуда. И наконец, дорога — длинная, прямая, бесконечная, уходящая в самое сердце безжизненности. По обе стороны её стояли тополя, но не те мощные исполины, что встречаются в старых парках, а чахлые, искривлённые, с обломанными, словно в отчаянии, ветками.

Аня смотрела в окно, не моргая, её профиль застыл, словно у восковой куклы. Ирина крепко держала её руку, сама же глядела вперёд, на бесконечную ленту шоссе, над которой развевался флаг, казавшийся новым и одновременно до ужаса старым: красный, с чёрным кругом, в центре которого мерцал цифровой код района — бездушный, как вся их жизнь. Флаг хлопал на ветру, и в этом хлопке слышался не призыв, а насмешка.

Через два часа автобус, вздохнув тормозными колодками, остановился на грязной, разбитой площадке, окружённой бетонными заборами, усеянными пятнами грязи и граффити. Артём первым вышел на землю, и первое, что ударило его в нос — тяжёлый, влажный запах гари, смешанный с гнилью и сыростью. Такие же автобусы, как их, стояли вокруг, изрыгая из себя таких же людей: с опущенными головами, с потрёпанными чемоданами, с пустыми, ничего не выражающими лицами. Люди ступали по щебню, и единственными звуками были хруст гравия под подошвами и заунывный вой ветра, гуляющего между бетонными плитами.

У входа стоял охранник — высокий, худой, в той же чёрной, непроницаемой форме, что и его собраты у центра управления, но без оружия. На груди его висел планшет, похожий на каменную плиту. Он окинул прибывших безучастным взглядом и произнёс фразу, ставшую приговором:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.